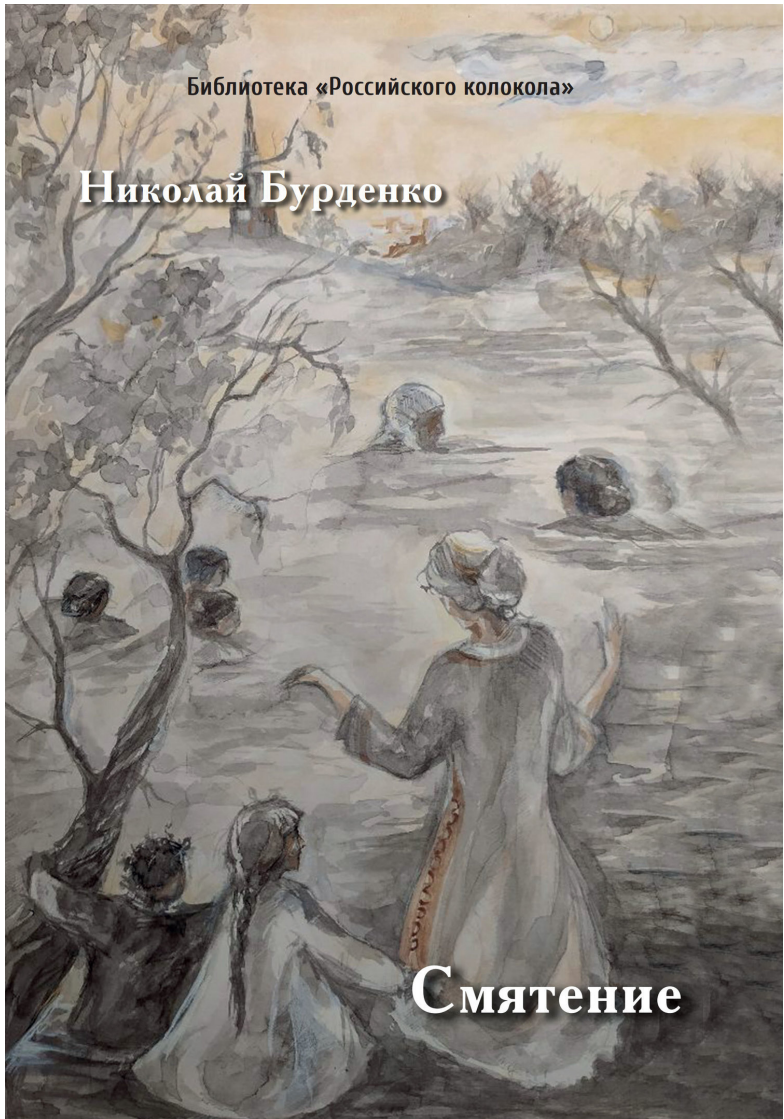

Библиотека «Российского колокола»

Николай Бурденко

Смятение

Николай Иосифович Бурденко

Смятение

Серия «Библиотека
«Российского колокола»»

Серия «Двадцать пять
лет ностальгии», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63111112

Смятение: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907350-88-5

Аннотация

«Смятение» – это первая книга романа-трилогии «Двадцать пять лет ностальгии». Написана в жанре нон-фикшн. В произведении автор описывает жизнь двух семей. Карабут, спасаясь от раскулачивания и Соловков, бросает хутор, едет на границу, вплавь через реку Аракс перебирается в Иран.

Эту книгу автор написал без фантазии и апологетики, поскольку писал о предках: Иосифе Бурденко и Анастасии Карабут, сыном которых является, родившись в Иране в тридцать седьмом году XX века. При написании он даже фамилии героев и иже с ними не поменял. Начало книги пишет со слов родителей.

Обо всех мытарствах семей Антона Карабут и Иосифа Бурденко читатель может прочесть во второй книге «Чужбина».

Содержание

Николай Бурденко	5
Предисловие	8
Часть I	15
Часть II	45
Ялта, или Пролог	45
Одесса	48
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Николай Бурденко

Смятение

Николай Бурденко

Бурденко Николай Иосифович родился 11 мая 1937 г. в Иране, г. Пехлеви, в семье иммигранта. Русскому в объёме пяти классов мать учила дома, затем он учился во французско-персидской школе. С шестнадцати лет работал и учился, восемь классов окончил в ВОКСЗ Тегерана. В 1956 г. прибыл в СССР на ПМЖ в г. Бийск. Работал во многих городах страны, в г. Навои – слесарем-монтажником. Окончил навоийский вечерний техникум по профессии «техник-механик». Вернулся в Бийск, работал в «Металлургмонтаже» от монтажника до замдиректора. На пенсии в 2001 г. создал ИП, закрыл в 2011 г.

Семья – жена, шесть сыновей и одна дочь.

Начал писать в 2011 г. и издал роман «Под покровом снега». В 2013 г. начал писать трилогию «Двадцать пять лет ностальгии», первую книгу «Смятение». В 2014 г. – вторую книгу «Чужбина». Третья книга – «Отчизна» – закончена в 2020 г. В 2015 г. неписан роман «Мы жили и работали в Кызылкуме». В 2016 г. – сборник стихов, сказок и рассказов «Царь Корней».

Является членом Российского и Интернационального союзов писателей. Награждён дипломом им. Антуана де Сент-Экзюпери, сертификатами прозы и поэзии мастер-класса Международного фестиваля «А. С. Пушкин – 220 лет», дипломом и значком Международного литературного конкурса им. М. Ю. Лермонтова, свидетельством и медалью им. А. М. Горького, дипломом «Писатель года» за 2018 г., дипло-

мом литературного конкурса «Золотое перо Алтая», благодарственным письмом от ИСП, дипломом МЛП им. В. Набокова. Всего семнадцать наград, сертификатов, почётных грамот и т. д.

На сайте «Проза. ру» есть 24 произведения.

Предисловие

*Роман посвящается моим родителям, жене,
братьям и детям*

Бия несла свои величественные и спокойные воды, поблёскивая крохотными солнечными зайчиками, а иногда более крупными от дуновения лёгкого ветерка, нарушавшего её покой, создавая небольшие волны, которые, с лёгким плеском ласково накатываясь, целуя покатые песчаные берега, торопливо сбегали назад, уносясь вдаль и навеки прощаясь, – на мгновенье эти берега были близкими и родными.

В унисон плеску волн вечно зелёный сосновый бор, находившийся на высоком правом берегу, покачивая вековыми макушками и слегка помахивая лапами, наполнял воздух слабым запахом смолы и ароматом сосновой хвои, тем самым создавая негу и блаженную для лета прохладу и уют. А слабый, еле уловимый прощальный шелест-шёпот, иногда переходящий в слабый свист, приводил Бию в состояние эйфории. В такой момент река, слегка вздымая волны и отражая попадавшие на них лучи солнца, которые обсыпали бор мириадами прощальных солнечных зайчиков, так же в унисон, но еле слышимым на слух плеском волн шептала: «Пр-ро-ощ-ща-ай», с грустью поглядывая на извилистую изумрудно-зелёную прибрежную ленту бора, которая

на протяжении веков волновала её воображение.

Крохотный же бор, оставшийся от когда-то первозданного дикого ленточного леса, тянувшегося до самого истока Бии – Телецкого озера, по преданию долгожителей города, уцелел в связи с тем, что один из купцов города Бийска купил участок леса, в котором построил двухэтажный рубленый дом в стиле русского деревянного зодчества девятнадцатого века для своей возлюбленной. В порывах нежного исступления и попок в кругу близких друзей купец свою страсть нежно называл «красотка» и, периодически наведываясь, занимался прелюбодеяниями. Из тех же стародавних источников, которые бурлили в народе, долгожители донесли до наших дней название: дача «Красотка». Однако никто не брался оспаривать, почему её так стали называть, то ли из-за красоты зазнобы, то ли из-за красоты двухэтажного небольшого особняка, украшенного ажурными и замысловатыми узорами, выпиленными из хорошо обработанных дощечек и раскрашенными в яркие краски. А в целом особняк, обращённый фасадом к реке, выглядел бело-голубым на фоне зелёного леса, гармонируя с клочком природы; вернее всего, эта красота и послужила основой для названия дачи. После революции купец сбежал, а куда подевалась кокетка, никто не ведал. Более о даче не вспоминали, поскольку любовная интрига закончилась с бегством купца, кутилы и ловеласа.

В начале тридцатых годов примерно в километре от бора, о котором идёт речь, начали строить сахарный завод, выру-

бая дикий сосновый лес, ошкуривая, распиливая и используя древесину как строительный материал для подсобных помещений завода. Параллельно со строительством цехов завода здесь, вплотную с бывшим купеческим участком, занятым бором, стали прирастать дома и бараки для рабочих завода.

Таким образом, этот клочок флоры остался островком дикой природы рядом с посёлком сахарного завода и стал словно парк, в который во все времена года приходили пожилые пары, вели беседы, вспоминали о прошлом; молодые влюблялись, в обнимку прогуливаясь, делали предложения, клялись в верности до гроба. Многие парни и девушки этого посёлка, впервые поцеловавшись в тихом шелесте сосновых крон, слышали мажорную мелодию любви, получая от бора таинства и благословения, и становились счастливыми семьями до смертного одра. А более легкомысленные пары по вечерам приходили, подыскивая укромный уголок для утех и наслаждения; прячась за деревьями и кустами от посторонних глаз, обнимались, сливаясь воедино, целовались до умопомрачения и никак не хотели уходить из сени благодатного бора, в которой соединялись их тела, находя гедонизм в плоти. Иногда почти у самого обрыва реки в летние воскресные дни устраивали коллективные пикники, после употребления горячительного спускались по отлогой размоине к берегу у водокачки и с бывшего затопленного ледокола (до сих пор не могу понять, почему это затопленное сооружение наподобие сруба с гладкой крышей называли ледоколом)

прыгали в Бию, остужая горячие тела. Ближе к вечеру голо-
систые певуны таких компаний затягивали любимую песню
сахарно-заводских рабочих – «Скатилось колечко»; тут же
мужики своими басами подхватывали, и тогда песня разно-
силась на всю округу.

Инженеры и деловые люди, прогуливаясь, дискутировали:
о политике и литературе, о кинофильмах и делах завода, по-
рой становясь друг другу яркими оппонентами в поисках зер-
на истины.

Со временем дача обветшала, поскольку никто в ней не
жил и за ней не присматривал; надо сказать, набожные ста-
рухи и морально воспитанные люди, невзирая на дальность
времени, презирали эту дачу и называли её не дача «Красот-
ка», а не иначе, как «дача разврата».

Так потихоньку этот особняк грабили, растаскивая по ча-
стям, и на момент описания стоял лишь полусгнивший сруб,
от былой красоты и следа не осталось.

В этом самом бору, на краю высокого обрывистого песча-
ного берега, под вековыми соснами, на толстой доске, при-
битой между двух сосен, сидела немолодая пара, созерцая
противоположный зелёный берег. В отличие от правого бе-
рега левый был настолько низок, что в весенние паводковые
времена его затапливало, а после схода талых вод он покры-
вался травой, образуя неопишуемой красоты зелёный луг, ко-
торым можно было часами любоваться, не отрывая глаз.

Жители левобережья с близлежащих домов пригоняли ту-

да скотину на выпас; конечно, со стороны жалко было смотреть, как скотина топчет этот луг. За лугом проходила автострада в направлении курорта «Белокуриха», и сразу после неё начинался густой тёмно-зелёный хвойный лес. Вот эту красоту реки и природу Алтая впитывала в свой изголодавший взор после полупустынных и солончаковых ландшафтов Ирана чета Бурденко, сидевшая на берегу. Они, вместе прожившие двадцать четыре года и вырастившие четырёх сынов, вместе с которыми прошли муки ностальгии, сейчас вспоминали весь пройденный путь и были умиротворены будущим сынов, перед которыми были распахнуты все двери на их длинном и счастливом пути.

– Ты о чём задумался, отец? – Так жена называла мужа, Иосифа Степановича, а он, в свою очередь, называл её «мать», которую в действительности величали Анастасией Антоновной.

– Сижу, смотрю и думаю, насколько наши судьбы похожи на эти реки: Бию, которая вытекает из Телецкого озера и несёт свои воды около трёхсот километров – до слияния с Катунью. А исток другой находится отсюда более чем за шестьсот километров, у Катунского ледника на южном склоне горы Белухи; а сливаясь здесь, они превращаются в одну большую сибирскую реку – Обь, которая потом несёт эти воды за три тысячи шестьсот пятьдесят километров в Обскую губу Карского моря, далее в Северный Ледовитый океан.

– Ничего понять не могу, при чём здесь реки и мы? – ска-

зала Анастасия, недоумённо поглядывая на мужа.

– Я говорю языком Эзопа. Смотри, прямо там, за рекой, дорога, а за ней бор, а за ним и правее, километрах в пятнадцать, течёт река Катунь под углом тридцать пять градусов к Бие – это как раз перед слиянием. И как нам уже рассказывали, недалеко отсюда, в девятнадцати километрах от Бийска, они сливаются в одну, как ты знаешь, – Обь! – После этих слов Иосиф поднялся и вытянул правую руку вперёд, показывая, в каком направлении необходимо смотреть. – А теперь позволь спросить, откуда ты ушла в Персию?

– Из России, – ответила Анастасия.

– Я тоже из России, а где встретились и поженились?

– В Персии, в городе Боруджерд.

– Значит, мы жили в одной стране, как и эти две реки тоже в одном в Алтайском крае берут начало, но только в разных точках. А сливаются здесь, в этом же Алтайском крае, а это значит, что, когда мы поженились, мы слились в семью! Единственное наше отличие от этих рек – мы слились за пределами Советского Союза.

– Так вот вы где прячетесь от нас? – услышали у себя за спиной Иосиф и Анастасия знакомые голоса друзей. – И о чём вы здесь воркуете? – в один голос спросили супруги Селищевы.

– Мне пришла аллегоричная мысль, как наши судьбы похожи на эти две реки, – ответил Иосиф и коротко объяснил суть.

Александр Васильевич и Клавдия Петровна – чета – опять же вдвоём воскликнули:

– Как это романтично, расскажите нам – это весьма интересно! А то два года, как вы приехали и мы с вами знакомы, а вы ничего нам не рассказывали про Иран. Это очень интересно – услышать об исторически богатой и когда-то грозной и значимой азиатской стране Персии, а главное – от очевидцев, проживших в ней столько лет!

– Хорошо, расскажем! Потому что завтра ровно два года, как мы приехали в Союз. А сейчас пойдёмте к нам, там за чашечкой кофе и чая мы подробно опишем, кем мы были в России и что побудило нас бежать за границу, а уж потом – наши странствия по Ирану.

Не долго думая все четвером отправились по переулку Спекова в дом, где и жили бывшие иммигранты.

Часть I

В квартире они расположились вокруг овального приличной величины стола, где вскоре появились чай, кофе по-турецки, конфеты и всякие выпечки, на что Анастасия Антоновна была великая умелица.

– Только рассказывать будем по очереди, потому что я переплывала водную границу с отцом и матерью, двумя братьями и двумя сёстрами, а Иосиф где-то перешёл сухопутную границу, – сказала Анастасия, усаживаясь за стол.

– Как вам удобно, так и рассказывайте. Горю желанием услышать. Наверно, это жутко интересно! – ответила Клавдия Петровна.

– Пожалуй, начну со своей краткой биографии, чтобы в дальнейшем меньше возникало вопросов, – сказала Анастасия Антоновна, глубоко вздохнув, после чего села и начала свой рассказ: – Родилась я в тысяча девятьсот двенадцатом году третьей дочерью в семье зажиточного хуторянина Анто́на Семёновича Карабут с весьма суровым и властным характером. Невзирая на свой средний рост и кавалерийские ноги, но с довольно хорошо атлетически сложенной фигурой, он был очень сильным и выносливым, пятипудовые мешки мог таскать длительное время, а пышная чёрная шевелюра и едкие чёрные глаза придавали ему такую суровость, что от одного его взгляда шёл мороз по коже. Судя по темпераменту и

внешнему облику, отец больше напоминал цыгана или турка. Кстати, фамилия Карабут интерпретируется в переводе с тюркского языка и с небольшим сокращением: «кара-бут» – «чёрная туча» или «чёрное дерево».

В противоположность отцу мать, Елена Давыдовна, в девичестве Гноная, была очень спокойная: нежная, ласковая, небольшого роста, пышная, что делало её настоящей матроной. А когда она распускала свою чёрную длинную косу, которая свисала ниже ягодиц, то эта коса оттягивала голову назад, а так мама каждое утро заплетала и закручивала косу сзади на голове. Её большие серые глаза, встроенные природой в красивое белое лицо, всегда ласково смотрели на детей – манили к себе и одновременно придавали лицу кротость и миловидное выражение. Уместно будет отметить: в молодости она была стройна и настолько красива, что начиная с её пятнадцати лет с близлежащих сёл и городов такие же помещики, как и их семья, и даже купцы засылали сватов, которым из-за возраста отказывали, а в восемнадцать лет она сама выбрала отца.

В семье нас было шестеро детей. Старшая – Пелагея, среднего роста и полноты, вся в веснушках – была своеобразно умна и очень тактична, с маленьким круглым лицом, рыжеватыми волосами и бегающими карими глазами. За ней – Татьяна; округлая фигуркой, она всегда чего-то жевала, в период качания мёда бегала на пасеку и кружками пила мёд. Училась не очень, за что ей часто попадало, была хитра и ле-

нива, да ещё и себе на уме. Третьей была я, описывать себя не буду, поскольку вы меня видите и хорошо узнали меня за период нашего общения. Следом за мной – Александра, мы с ней очень похожи и ростом, и лицом, и даже характером, невзирая на то, что она на год моложе меня, а засим не буду описывать и характеризовать. Единственное, чем она отличалась от меня, так это влюбчивостью; она постоянно грезила после того, как тайком от родителей прочла какой-то роман. И стоило появиться у нас каким-нибудь молодожёнам, как она тут же прилипала к молодой со своими вопросами о любви и близости с мужчиной.

Старший из моих братьев – Геннадий, всегда спокойный, покорный и учтивый к родителям, но задумчивый, ростом чуть выше среднего, худощавый; лицо чистое, вытянутое и с большим носом. Младший брат – Иван, он же последний в нашей семье, противоположность всем нам по темпераменту – сангвиник в полном соответствии. Внешностью он был копией нашего отца – девяносто процентов, лишь юмор, молодость и деспотизм отличали его от отца.

Жили мы обособленно на хуторе Бовин, который состоял из трёх семейных усадеб братьев Карабут. Одной из усадеб была наша, вторая – дядьки Василия, третья – дядьки Макара. Расстояние между усадьбами было в пятнадцать минут хода пешком.

Усадьбы располагались вокруг большого проточного пруда, расстояние до него у всех было примерно одинаковое, в

нём водилась рыба к столу. Водоплавающие понемногу кормились тем, что водилось в пруду, и плавали в этой воде; у всех этой птицы было предостаточно.

Жили натуральным хозяйством, земли у каждого было по сорок десятин посевных площадей, а может, и больше. Не помню, сколько десятин занимали большой фруктовый сад, пасека, бахча, огород и вся усадьба, в которой разместились дом из шести комнат, амбар, мастерские, конюшня, хлев-коровник, курятник, свинарник и прочие строения. В то время мы имели пару плугов, бороны, сеялку, косилку и установку для обмолота зерна. Жили зажиточно. Имели в наличии четыре лошади-пятiletки, три коровы, несколько телят, свиней с поросятами больше пятнадцати; курам, гусям и уткам не вели счёта. Пасека была большая, ульев, наверное, штук пятьдесят, если не больше.

И всем этим хозяйством управляли сами – всей семьёй; хочу подчеркнуть, что каждая скотина и участок земли были закреплены за кем-то. К примеру, мы с Таней доили коров и кормили свиней, а из земель за нами был закреплён баштан. Огород – за Шурой; Паша хозяйничала по дому под руководством матери, она её готовила к самостоятельной жизни в связи с тем, что та была на выданье. Геннадий ухаживал за лошадьми, а Иван гонял гусей и уток – утром на пруд, вечером обратно. Мать держала домашнюю кухню и контроль над всем и постоянно напоминала, кому что делать, готовила корма для свиней и птицы. Отец занимался рынком и всеми

тяжелыми мужскими делами, когда бывал дома.

– Выходит, вы были кулаки? – с вопрошающей интонацией в голосе произнёс Александр Васильевич; надо сказать, что как юрист в выражениях он не стеснялся.

Анастасия Антоновна, уловив в интонации Александра Васильевича жёлчный вопрос, не стала акцентировать внимание на нём так, как ожидал вопрошавший, но ответ последовал спокойно и незамедлительно:

– Да, по тем временам мы считались середняками, а ненавистным словом тех времён и мерок нас бы так и посчитали. Если бы мы остались на месте, то при раскулачивании, конечно, назвали бы кулаками и отправили бы на Соловки.

Через некоторое время, когда гости и хозяин начали прикладываться к кофе, хозяйка продолжила повествование с первого дня, когда начались беды в их семье, доведшие до иммиграции.

– Мать моя, Елена Давыдовна, в тот день, ближе к вечеру, начала нервничать, чаще выходить из дома и поглядывать на дорогу, ведущую с нашего хутора в город. Она ждала нашего отца, Антона Семёновича, который на двух подводах повёз продавать зерно в город вместе с братьями, которые тоже везли зерно и некоторые сельхозпродукты на продажу. Оснований для беспокойства было два: первое – то, что после продажи при нём находились деньги, по тем временам большие, он ещё кое-что должен был купить; второе – то, что уж очень большая страсть у него имелаась до женского

пола. Мать догадывалась, что у него в городе водится любовница, которую он непременно навещал по приезду и у которой неоднократно оставался ночевать; после каждой такой поездки приезжал пьяный, жизнерадостный и с сильным запахом женских духов. И каждый раз после таких ночёвок в городе он привозил матери духи, которые, как правило, проливались у него в кармане. Он объяснял это тем, что на фабрике плохо закупорили. Но в тот день он приехал с покупками поздно, но без духов для матери и ещё у калитки громко, чтобы слышали все, кто встречал его, объявил: в городе и стране смута, а большинство её называет революцией.

– Анастасия Антоновна, это какой период года был, весна или осень? – попросил уточнить Селищев.

– Александр Васильевич, давайте я отвечу вместо супруги, – заговорил отец, – ибо тесть мой не раз рассказывал этот момент, а прикинув время года, получалось, что это была Февральская буржуазно-демократическая революция в России семнадцатого года, которая через восемь месяцев и привела к Октябрьской социалистической революции.

А всё из-за того: самодержец наш своим манифестом отказался от престола в пользу своего младшего брата, великого князя Михаила Александровича Романова, по предложению Государственной думы. А великий князь Михаил II ответил: мол, если народ на референдуме решит мне занять престол – тогда я приму эту миссию на себя; в противном случае я отказываюсь от престолонаследия. Вот так великий

князь Михаил II стал однодневным царём всея Руси.

Тогда сформировали первый состав Временного правительства, председателем которого был избран Георгий Евгеньевич Львов. В это правительство вошли двенадцать министров, в том числе и Александр Фёдорович Керенский, остальных не буду перечислять, поскольку он играл ключевую роль с марта по ноябрь 1917. Важно отметить, что в мае это правительство разогнали и создали первое коалиционное правительство, а в августе уже создали второе коалиционное правительство; как в первом, так и во втором председателем правительства избирался Керенский, и ещё было четырнадцать министров, – закончил своё пояснение Иосиф.

– Уже совсем поздней ночью пришли дядьки: Василь и Макар с жёнами, – продолжала Анастасия Антоновна. – Нас, детей, отправили в одну из комнат, чтобы мы не мешали их разговорам и не слышали секреты старших. Сидели долго, о чём-то говорили, спорили, советовались, а тема была одна: как жить дальше и что делать? Остановились на том: сидеть на месте, а там время покажет, только теперь надо копить деньги и скупать золото и всякие драгоценные камни, брильянты на случай, если придётся бежать!

Это я рассказываю со слов матери, которая рассказывала мне уже в Иране, когда я была замужем за Иосифом, а кое-чего со слов отца, когда он рассказывал таким же беженцам и бедолагам, как и он сам, добровольно создавший эту участь не только себе, но и всей семье, о своей горькой жизни.

После того вечера отец с братьями по очереди стали ездить в город узнавать новости, но хозяйство как вели, так и продолжали вести.

С города зачастил друг отца – батюшка Ферапонт, привозил новости, а от нас увозил продукты в обмен на золотишко и мелкие камешки.

– А где вы учились, если жили так далеко от города? – вдруг спросила Клавдия Петровна.

– Осенью, после окончания всех сельхозработ, приезжал к нам учитель и учил нас грамоте; жил и столовался у нас, а весной уезжал с началом полевых работ. Отец нас заставлял делать буквально всё, в восемь лет сажал на коня и заставлял вместе с ним пахать. Чуть позже – сено косить, а потом и жито; он сам работал как вол и нас заставлял, да так распределял работы, что всем хватало на целый день, и попробуй не сделать то, что он задал, – выпорот как сидорову козу! Заставлял работать, чтобы не нанимать батраков, иногда, конечно, нанимал двух или трёх, когда был богатый урожай. Зимой, правда, приходили с города, кроме учителя, мастеровые: сапожники, портные и плотники, обшивали всех и ремонтировали инвентарь и прочее. Нанимали и мастеров по ремонту гужевого транспорта, работали и шорники, все эти люди жили и питались у нас за одним столом. Отец зимой занимался реализацией выращенных сельхозпродуктов. В стране шла гражданская война. С началом революции эта часть страны была под гнётом белых генералов: Деникина,

Краснова и Шкуро. Через наш хутор неоднократно проходили разные войска, красные приходили и просили накормить солдат или дать продуктов, некоторые оставляли какие-то расписки. Белые приходили как хозяева, требовали продукты якобы за то, что защищают нас от красных, другие трактовали по-другому, будто освобождают нас от ига красных. Проходили разные банды, в основном по ночам, как они только себя не величали, и тоже требовали, а чаще просто отбирали то, что им было нужно.

Надо сказать, мой отец был мудрым человеком: когда узнал про революцию, он под большим стогом сена вырыл погреб, постелил и обложил его гудронированным брусом, после чего обмазал растопленным гудроном от влаги и оббил рейкой, сделал две вытяжные трубы, замаскировав их в сене. Туда он спрятал мешков сорок пшеницы, двадцать – муки, по бочонку сала, мёду, масла подсолнечного, смальца, мешок соли, сахара и бочку керосина. Всё это он делал с моей матерью, выпроводив нас, детей, на это время к тётке по материнской линии, а сами всем запаслись, чтобы мы, дети, не видели и не знали.

Там же, на хуторе, пережили продрозвёрстку, правда, отобрали много, на посев оставили мало и расписку дали на мизер: мол, по ней получите деньги в банке города, но по ней отец ничего не получил. Позже, когда мы подросли, отец нам рассказывал: «Как в девятьсот четырнадцатом году началась Первая мировая война, на которую я попал в октябре, – нас

несколько месяцев держали в резерве. Когда же попали на передовую, провоевав два месяца с небольшим в одном из сражений, из-за отсутствия боеприпасов нашу часть разбили. Много полегло, а раненых и контуженых австро-венгры взяли в плен – это произошло в Сербии. Эта война отобрала у страны почти два с половиной миллиона молодых работоспособных мужиков, более двухсот тысяч тягла, без которого крестьянин не мог пахать, сеять и жать. Таким образом, крестьянское хозяйство лишилось самого главного: молодого крестьянина и тягла, да и рогатого скота; в результате страна недополучила зерна, мяса и прочих сельхозпродуктов. Видя такое положение в стране, царское правительство в шестнадцатом году подтолкнуло к продразвёрстке, и она была не менее жестокой, чем позже советская. Так что в некоторых губерниях и волостях начался голод, это и подтолкнуло народ к недовольству, мятежам и в результате привело к Февральской революции». Вот почему некоторые говорили, что советская продразвёрстка – это вторая.

Когда началась новая экономическая политика, нам стало немного легче жить, правда, налогами обложили приличными, но всё-таки зажили неплохо, поскольку всё можно было продать, а особенно продукты. В связи с этим зерна сеяли меньше, зато овощей и клубней больше, потому как спрос был большой и деньги были быстрые; таким образом у себя на хуторе жили до коллективизации. В 1929 году отец как-то поехал в соседнюю деревню, и увидел ужас принудительного

создания коллективного хозяйства, и понял: «Теперь этого не избежать и нам – иначе сошлют туда, куда Макар телят не гонял!»

Едва вернувшись из деревни, отец оседлал коня и поскакал в город, а матери сказал: «Собери одежду и скарб самый необходимый и будь готова – как вернусь, сразу уедем в город».

Вернувшись из города, послал Пелагею за старшими братьями, которых просил немедленно пройти к нему, а сам запряг две повозки. Вскорости подошли Василь и Макар. Они ненадолго зашли в дом, о чем говорили, я не знаю, но, когда вышли, начали дружно помогать грузить на телеги провиант из тайника, скрытого под стогом сена. На вторую телегу погрузили необходимый домашний скарб и одежду и нас – детей; телегу с провиантом отец так нагрузил, что боялся: не довезёт до города – оси поломаются, но, как говорят, Бог миловал.

Выезжая со двора, мы встали, так как вдруг нам преградили дорогу прибежавшие семьи дядек Василя и Макара; началось долгое прощание, слёзы, уговоры, обещания. В общем, расставание было тяжёлым, очевидно, каждый чувствовал, что уже больше никогда не встретятся.

По дороге в город нам встретился какой-то конный отряд, вихрем пролетевший мимо нас.

До арендованного дома на окраине города добрались далеко за полночь, не мешкая, всё привезённое отец спрятал

в погреб под сараем, на что он затратил время до рассвета, лишь оставив продукты на несколько дней. Ляду в погреб закидал хламом и чем попало так, чтобы думали, что оно давно так лежит.

Так-таки в ту ночь ему и не пришлось поспать. Утром, когда мы ещё спали, отец разбудил мать, долго что-то говорил ей, видимо, давал какой-то наказ, а когда он уехал, она передала его слова нам: «Продукты экономь, но чтобы дети не голодали; далее – переодень детей во всё старенькое, небогатое, и пусть больше сидят дома; после трапез остатки прячь от чужих глаз. Это окраина города, вечерами здесь появляются бандиты и налётчики, но ты не бойся, я специально выбрал такое место, потому как они бедных не трогают, а у нас изба – беднее не придумаешь. Во сколько приеду, не могу сказать, но в целях безопасности не раньше, чем стемнеет. Смотри, рано вечером лампу в избе не зажигай. Да – и в избе чтобы выглядело убого и грязно, а если кто-то из конных будет приближаться, пусть девчонки прячутся за печкой. В общем, заранее их предупреди, дабы знали, кто где. Не пугайся, такие люди дальше порога не ходят, откроют дверь, увидят скудость, развернутся и уедут. А я сейчас поеду на рынок, попробую дёшево продать бричку с лошадьми и куплю дров. А пока вари на соломе и посмотри по огороду, может, чего сгораемого найдёшь для печки. И последнее, – это он ей говорил шёпотом на ушко, – деньги и ценности никому из детей не показывай и постарайся так спрятать, чтобы в

любое время могла забрать – днём или ночью. Не исключено, может быть, через несколько дней придётся срочно убегать отсюда. А сейчас поеду на рынок, и если мне удастся продать эту пару, тогда на второй буду заниматься извозом, пока не разужнаю как следует обстановку соседних городов и нашего – только после этого уедем. В чужом городе проще затеряться, а сейчас дай зеркало». Приклеив бороду – усы у него были родные, он их носил смолоду – и покрасовавшись перед зеркалом, остался доволен своей персоной. Повернулся и пошёл кавалерийской походкой к стоящим запряжённым телегам.

Подойдя к задней телеге, привязал её к передней и, проделав буквально четыре шага, молодецкато запрыгнул на переднюю телегу и поехал на рынок продавать упряжь.

Шёл второй месяц нашего проживания в Миллерово, но почему-то отец не торопился уезжать. В один из дней он пришёл чем-то озабоченный – мы не понимали, что происходит, но его озабоченность подстегнула наш отъезд. Позже отец рассказал нам про встречу со своим другом – батюшкой Феррапонтом, который сообщил ему неприятнейшую новость. Отец передал его слова: «Антон, ты прости, но я вынужден передать тебе очень плохую новость: твоих старших братьев раскулачили и всех, старых и молодых, отправили на Соловки. Грозилась и тебя туда же отправить, как только найдут».

Со слов отца, одержимый страхом за семью, он заметался, ища выход. Уйти в лес, там начать жить – это надо уходить

сильно далеко, а что делать с дочерьми, у них подходит возраст на выданье. Уехать вглубь Сибири – там нет знакомых. И там необходимо будет представиться органам – вот тогда всё, как говорят, приехали, сразу на каторгу.

Как отец ни старался, так ни до чего и не додумался, всё было против нас! После такой скорбной вести о братьях и их семьях отец ещё больше задумался, как выйти из такого затруднительного положения, как спасти семью. Чаще переезжать из города в город или из деревни в деревню – так, говорят, если в деревню попал, то уже оттуда не выпустят, никакого документа не дают, а без документа что делать? Тогда отец решил пойти к Ферапонту, просить совета – так встарь велось, что святой отец напутствует на путь истинный.

Необходимо подчеркнуть, что отец недолюбливал Ферапонта из-за одного инцидента, а дело обстояло так.

Отец приехал в город в какой-то религиозный праздничный день и зашёл к Ферапонту в гости, а у него шёл пир с какими-то купцами-меценатами. Тот встретил его хорошо, со всеми перезнакомил, и стали гулять дальше, не заметили, как наступил вечер. Прибежавший дьякон напомнил батюшке о вечерне. Отмашкой руки батюшка отправил дьякона, а сам, встав из-за стола, произнёс: «Сейчас пойду отчертую и вернусь, а вы пока не скучайте – пейте!» – «Да как ты смеешь произносить такое слово, ты, духовное лицо?» – сказал отец. «Нам всё можно», – ответил батюшка и ушёл. Едва батюшка покинул светлицу, отец тоже поднялся и, распрощавшись со

всеми, ушёл.

После этого они долго не встречались, отец избегал встречи с ним. С тех пор отец перестал уважать Ферапонта, а в церковь ходил только вместе с матерью и по её настоянию. Можно сказать, и в Бога перестал верить. А после революции, когда Ферапонта тоже понемногу начали притеснять, у отца появилась необходимость в реализации товаров и приобретении золота и камешков, и они начали взаимодействовать. Пораскинув мозгами, понял, что у него нет никого, с кем можно было бы пооткровенничать, – любовница не блистала умом, да и не до неё было теперь.

Он шёл к Ферапонту не для того, чтобы просить у него совета, а для того, чтобы узнать про тех купцов, с которыми столкнулся один раз буквально перед революцией; те купцы в это время были в такой же ситуации, как и он. Что они думают и как думают выйти из положения без наказания?

Батюшка отца встретил во дворе, гуляя с равным себе священником, но намного старше и белым как лунь, приветствуя, растопырил руки и тут же попросил пройти в домик.

– Знакомься, Антон Семёнович, это мой первый настоятель и друг – отец Евстафий, – сказал Ферапонт и тут же добавил: – Пойдёмте в дом, там и поговорим, одновременно опрокинем по рюмашке за святейшее, ознаменовавшее нам сей праздник Господний.

Усевшись на лавке у стола, отец стал прислушиваться к разговору этих двух священнослужителей. После пятими-

нутной беседы, которую они, очевидно, начали задолго до его появления, а закончили в доме в присутствии моего отца, Ферапонт отправился к матушке дать указание по поводу угощения. Как только закрылась дверь за Ферапонтом, отец Евстафий из-под лба глянул на моего отца и спросил:

– Отчего печаль на лице глубокая, словно в западню попал и мечешься, никак не можешь найти выход? На вид ты не из мужиков, а горюнишься, видать, не зря: жил в достатке, не буду гадать, чем занимался, а завоевавшая и установившаяся советская власть всё отобрала и устроила охоту на тебя и тебе подобных? Дальше рассказывай сам, чтобы я не гадал, и учти – времени у нас мало, если не хочешь, чтобы Ферапонт знал, тогда коротко и быстро говори. Тебе ведь нужен совет, так?

– Истину говоришь, батюшка, врать и выкручиваться не буду.

После этих слов отец всё подробно рассказал Евстафию; тот слушал внимательно, не перебивая. По ходу рассказа отец тоже внимательно наблюдал и делал какие-то умозаключения. Только в период повествования он не упускал ни малейшей подробности, потому что искренне верил только что познакомившемуся с ним священнослужителю, который очень быстро расположил к себе своим обаянием и умом, выражавшимся во всём. Как отец и предполагал, Евстафий, едва закончился рассказ, сказал:

– Давай завтра встретимся на вокзале в буфете в четыр-

надцать часов – может, что-то и присоветую.

После этих слов открылась дверь, и вошёл отец Ферапонт, а за ним матушка Марфа; третьей вошла послушница с большим подносом, на котором были наставлены яства с парой графинов и питейной тарой. Поставив поднос на стол, послушница ушла. Матушка Марфа, поприветствовав гостей и пожелав приятно провести время, с поклоном ушла, сославшись на дела в церкви.

Застолье трёх мужчин длилось около двух часов, после чего отец ушёл, а Евстафий остался в гостях у Ферапонта.

Вернувшись домой, отец всю ночь метался, а когда уснул, ночью периодически просыпался, соскакивал, смотрел на часы и считал, сколько осталось до рассвета. А днём он метался ещё больше, постоянно вытаскивал часы из жилета, тупо смотрел на циферблат и не мог понять, почему время так медленно тянется. В тот день он не стал заниматься извозом, голова была забита одним: что посоветует отец Евстафий?

На встречу мой отец пришёл заблаговременно и сел в дальний угол в ожидании священнослужителя. Наконец в дверях появился батюшка, навстречу к нему откуда-то выскочил шустрый отрок и, склонив голову, попросил благословения; накрыв голову отрока краем левой полы, отец Евстафий что-то прочитал, несколько раз перекрестил и тем самым благословил мальчонку и затем направился в угол зала, где увидел поджидающего его человека. А мальчонка, поцеловав батюшке руку, вдогонку тоненьким голоском прокри-

чал:

– Ежели чего понадобится, молвите – я тут как тут, не извольте беспокоиться, мы к вам со всем уважением!

– Рад вас видеть, Антон Семёнович. Вижу, вы человек ответственный, – произнёс отец Евстафий, подходя к столу и медленно, по-стариковски усаживаясь рядом, чтобы можно было говорить вполголоса, поскольку это была тайна.

Отец в знак уважения поднялся и приложился к протянутой руке батюшки; тот, осенив его крестом, попросил сесть. Немного отдышавшись, он начал спокойным, размеренным тоном говорить, только очень отдаленно:

– Я поздно поступил в духовную семинарию, примерно года на три от регламента, соответственно, на столько же позже и выпустили, и поскольку я был одним из лучших учеников и великовозрастной, то на последнем курсе решили произвести меня в обер-полевого священника (капеллана), ну, конечно же, с моего согласия. После выпуска в восемьсот девяносто шестом году вручили мне направление в военное ведомство. Там сему обрадовались и определили меня на службу в пограничный отряд в Джульфе, где наши войска переходили в Персию и обратно в период войн и конфликтов. Там я служил до изгнания царских войск с Кавказа, то бишь до середины девятьсот восемнадцатого года. Находясь там на службе, я был свидетелем нарушения государственной границы людьми по реке Аракс вплавь, а один русский вор переплыл туда, обокрал в Тебризе гиляка-ювелира и с

фунтом золота и сколькими-то каратами драгоценных камней на рассвете переплыл с Персии в Россию. То, что ты сейчас услышал, – преамбула. Суть вот в чём: река там неширокая, и переплыть её может даже ребёнок. Скажу одно: если бы это происходило в девятьсот семнадцатом – девятьсот двадцатом годах, тогда бы это можно было сделать свободно, сейчас – практически невозможно. Скажу больше: туда идут поезда, хоть это и Азербайджан, но всё население говорит по-русски, так что думай, Антон Семёнович. Другого предложения нет, визу тебе никто не даст.

– Скажи, отец Евстафий, можно ли там найти жильё? Не будем же мы прямо с поезда да в реку! Мне понадобится время, чтобы разобраться в ситуации, дабы не попасть в лапы ГПУ, ведь я спасаю не себя – всю семью, а для этого необходимо сделать всё воёже, чтобы прошло без сучка и задоринки.

– Найти квартиру или домик можно, если ты поедешь летом, так как мужчины летом уезжают в Россию на заработки и вывозят фрукты. Да тебе и необходимо это делать летом в сезон купания, так ведь?

Таким образом, у отца появился план перехода границы вплавь, и, что самое интересное, смелое решение это было осуществлено на глазах у пограничников.

Позже судьба сведёт в Иране меня и Ивана Садчикова, бывшего пограничника, который за давностью времени поделится, чем этот их переход обернулся ему лично и всему

погранотряду.

С этого момента отец начал продумывать план перехода и узнавать, как туда доехать. На всякий случай придумывал всевозможные причины и легенды. Но решение его было окончательным и неизбежным, и только в Персию – это самое быстрое.

В то время отец не мог предполагать, что повлечёт за собой жизнь за границей: годы мучительной ностальгии, презрение за предательство родины, бесправие гражданина, потерю уважения, преследование, нищету, подрыв здоровья и разброд семьи.

Постфактум и с течением небольшого промежутка времени, как мы покинули хутор, чувствовалась в каждом из нас какая-то напряжённость, а возможно, и тоска по родному дому; но больше всех нервничала мать, от безысходности, чувствовалось, она себя в душе корила за то, что не может создать детям нормальной жизни. Но так уж повернула фортуна в начале века. Люди, делавшие революцию, тоже думали о будущей счастливой жизни народа и страны, и каждая революция – это тоже катаклизм, только в основном сопряжённый с большими потерями человеческих жизней, нищетой и разрушениями.

Отец тоску по земле и работе заглушал поиском сведений, направленных на переход в Персию. В то время он делал всё, дабы поскорее ретироваться с Миллерово, но только в нужном направлении.

После полученных сведений о братьях отец каким-то образом быстро достал билеты, и через день мы уехали в Ростов, с Ростова ещё в несколько городов; жили в них по нескольку дней и двигались дальше, в направлении Джульфы.

А накануне отъезда с Миллерово набрали себе столько продуктов из привезённых с хутора, сколько могли унести на себе. Остальное перевезли в церковь батюшке Ферапонту, ему же отдали лошадей и телегу. На прощание отец сказал: «Принимай эти продукты, половина которых тебе, а из второй половины будешь выделять Пелагее, а если она не станет брать или вовсе не придёт, тогда храни три месяца. Если к тому времени никто из нас не появится, тогда можешь ими распорядиться, как тебе заблагорассудится».

Вот так наша семья на второй день погрузилась в вагон, и мы уехали в Ростов. Прибыв в указанный город, мы задержались совсем недолго, всего несколько дней прожили в какой-то комнатке при храме по рекомендации отца Ферапонта.

Вскоре отец купил или как-то достал билеты, и мы поездом отправились в Нахичевань.

Что творилось в поезде, этого передать невозможно: теснота, гомон, скандалы из-за мест, тошнотворный запах человеческого пота; в воздухе стоял смрад и вонь от табачного дыма, въедавшегося в глаза до слёз. В носу это вызывало чихание, в глотке – кашель; это было что-то невообразимое. То

ли на второй, то ли на третий день путешествия на какой-то станции нас высадили, и проводник объявил: «Поезд дальше не пойдёт – нет угля!» Мы высадились из вагона: все грязные, измученные, кое-кого тошнило, у всех чесались тела.

Отец посадил нас у какой-то стены на лавку, а сам пошёл искать кров и баню. Примерно через час пришёл довольный тем, что нашел жильё в номерах и уже забронировал для нас два номера, – сиял как новый целковый, видно было, что доволен собою. Немного погодя он сказал: «Прежде чем вселяться, мы пойдём в баню, вымоемся и эту вшивую одежду выбросим, наденем чистую, а после бани в номерах покушаем, что Бог послал».

Переночевав в номере, утром мы пошли на станцию узнать насчёт поездки и, по счастливой случайности, пришли вовремя, потому что паровоз заправили углём и, кроме того, дровами, состав готов был продолжать движение до пункта назначения, и мы побежали к своему вагону.

Но проводник не хотел нас пускать, сказав: «Вы вчера ушли и не сказали, что вернётесь продолжить путь сегодня». Зная все уловки проводников, отец отозвал его в сторону, дал ему какую-то сумму денег и показал билеты, хотя в этом не было необходимости, поскольку его действия принесли проводнику доход в виде денег.

В общем, таким образом добрались до города Нахичевань. По приезде в Нахичевань подыскали квартиру на окраине города, отдохнули пару дней, и по заданию отца мы, три сест-

ры, начали искать работу. Примерно через пару дней уже все работали: я в цехе бщипа кур, Таня в пошивочной мастерской, а Саша в прачечной по приёму белья.

– Анастасия Антоновна, а Паша куда пошла работать? – спросила Клавдия Петровна.

– Да, я ведь вам забыла сказать: Паша осталась в Миллерово, у неё там был жених, и они решили пожениться. Он оканчивал школу железнодорожных мастеров, это типа железнодорожного училища, и после окончания получал назначение путевым мастером в железнодорожный цех по ремонту путей.

Так вот, отец тоже нашёл какую-то работу, только о ней практически ничего не рассказывал – утром уходил на работу, вечером возвращался и пребывал сам себе на уме. Как потом выяснилось, он зондировал обстановку этого района для нелегального перехода в Персию, но пока никому ни о чём не говорил.

Когда созрел план, у него появилась другая проблема: как нас уговорить, и он придумал легенду преследования и начал нас потихоньку обрабатывать.

Однажды после ужина сказал:

– Дети, настали плохие времена для нас: узнали, что мы жили зажиточно, а говоря современным языком – кулаками. Кулаков сейчас отправляют на Соловки на всю жизнь, если останемся – нас всех отправят на каторгу, как моих братьев Василия и Макара с жёнами и детьми. Хочу вас всех преду-

предить, чтобы о том, что я вам сейчас рассказал, никому ни слова, ни полслова не говорили. Поэтому надо что-то предпринять, пока у нас есть немного времени.

– Папа, – сказала я, – может, мне поговорить со своим чекистом, он сможет помочь?

После сказанных мною слов отец разразился такой бранью, что я не рада была сказанному, а говорил он вот что:

– Ты – глупая дочь и сумасшедшая, разве можно чекисту говорить такое? Он нас тут же арестует и за это получит повышение, такие люди ради чина мать родную продадут! Смотри у меня, Настенька, забудь об этом и думать, а то я тебя – и каждого – прокляну, если кто-то проболтается!

Я ещё вам не рассказала, как я познакомилась с чекистом, а это случилось со мной через несколько дней после начала работы, когда я возвращалась с работы домой. Два парня-аборигена мне преградили дорогу, сказали, чтобы шла с ними. Я отказалась, тогда один взял меня за руку и хотел потащить за собой, но я не растерялась, подставила подножку тому, который меня тащил. Он упал лицом в пыль, а поднявшись, замахнулся на меня, но не успел нанести удар. Вывернувшийся из-за угла чекист буквально в прыжке ухватил его за руку и спросил, в чём дело, мол, ты на кого поднял руку? Второй увидел чекиста в форме и удрал.

Я объяснила всё, как было. Чекист спросил у парня фамилию, имя и адрес, а когда тот ответил на все вопросы, сказал:

– Я твоего отца Низама хорошо знаю; сейчас провожу де-

вушку домой и приду в отдел, а ты ровно через час вместе с отцом приходи к заставе, там и поговорим – иначе сдам в милицию. – Затем повернулся ко мне и спросил: – Вы кто такая и откуда? Я раньше вас здесь никогда не видел. Погодите, вы не та семья, которая недавно приехала: отец, мать, два брата и три сестры-красавицы?

– Да, по составу семьи мы подходим под описание, а может быть, прибыла ещё такая же семья.

– Это исключено – мне бы сразу доложили. Поймите, у нас каждый человек на учёте – это пограничная зона. В день вашего приезда, через два часа, как только вы заселились в дом, мы уже знали состав семьи и каждого по именам. Как вас звать – точно сказать не могу, но назову два имени из трёх, одно из них ваше: Анастасия либо Александра.

– Почему два, если вам донесли, что дочерей в семье три?

– Вас не только назвали, но и вкратце описали внешность каждого; Татьяна, старшая, – невысокого роста, полненькая, а две младшие очень похожи друг на друга, стройные, красивые, с серыми глазами.

– Да, вот здесь тот, кто описывал нашу внешность, не ошибся, мы с Александрой лицом и фигурой очень похожи.

– Так вы Анастасия Антоновна?

– Да, а почему так официально – Анастасия Антоновна? – спросила я у провожатого, который пока ещё не назвал себя.

– Так нас учили обращаться к незнакомым людям, да и этикет говорит об этом. Прошу извинить меня, я ещё не на-

звал себя: Садчиков Иван Васильевич, помощник комиссара при заставе пограничных войск. А вы откуда приехали сюда и надолго ли?

– Здесь родина предков, – не поднимая головы, ответила я, – а насколько – не знаю, это родители решают.

Так отец нас заранее проинструктировал, кому что говорить. Потом чекист стал встречать меня через день, а затем и каждый день встречать и провожать домой. Вот так мы и подружились с ним. Он стал ухаживать за мной, понятно было, что я ему нравилась, – и мне он очень нравился. Надо отметить: за всё время встреч мы ни разу не поцеловались. Он был красавец-парень, стройный, выше среднего роста, из-под фуражки выглядывал приличный завиток волос, а для того смутного времени он был очень воспитанным человеком.

Прошло почти два месяца. Как-то после ужина отец попросил остаться всем за столом для весьма серьёзного разговора и начал намекать на опасность, грозящую нашей семье; он долго и путанно приводил какие-то примеры, а мы, переглядываясь, ничего не могли понять. Видимо, сидевшей рядом с отцом матери надоело его словоблудие, и она сказала:

– Антон, не ходи кругами, говори прямо, дети уже взрослые, они всё поймут; в конце концов, мы же их жизни хотим обезопасить от надвигающейся беды.

– От очень солидного человека я получил сведения, что послали запрос на наше старое место жительства: чем мы за-

нимались и почему теперь здесь. В связи с этим у нас теперь есть один-единственный выход из сложившейся ситуации – это бежать за границу, в Персию. Ждать больше нельзя, дней через десять окончательно заберут, теперь точно уж всех! А пока ждут документы с нашего уезда, мы должны их опередить. То есть уйти, повторяю, в Персию.

– Папа, откуда вы всё знаете? – спросила Таня.

– От хорошего человека, которому хорошо заплатил, и немалые деньги, – ответил отец. – Значит так: через два дня едем в Джульфу, там несколько дней покупаемся в речке Аракс, чтобы привыкли к нашим ежедневным купаниям. Тем самым мы примелькаемся пограничникам и снимем с себя подозрение, а в один из дней переплывём Аракс на ту сторону. Река неширокая, переплывём быстро.

– А как мы там будем жить и разговаривать, мы же персидского языка не знаем? – вновь спросила Таня.

На что отец ответил резким тоном:

– Там уже пол-России живут, работают, и мы проживём. Это всё равно лучше, чем на Соловках подыхать.

Не могу знать, насколько отец говорил правду в отношении того, что послали запрос о нас в наш уезд. В свете сказанного отцом о посланном запросе я поверила, поскольку вспомнила встречу с чекистом, который сказал: «Нам через два часа донесли, откуда вы прибыли, сколько вас, и внешность каждого коротко описали, и поимённо назвали». Да, я поверила в его слова, и мне стало страшно, хотя не имела

представления о том, где находятся Соловки.

Как и было сказано отцом, через три дня рано утром мы поехали в Джульфу, к вечеру подыскали жильё на окраине у местной жительницы, которая поселила нас в большую комнату. Побросав вещи, находившиеся при нас, мы пошли купаться. Надо сказать, в те годы женщины и мужчины купались в лёгкой одежде, это не привлекало внимания. С того самого дня мы каждый день ходили на речку: отец, купаясь и загорая, всё время наблюдал за действиями пограничников, он всё запоминал, даже через какое время они выходят на перекур и когда меняют пост у моста. Купались мы подолгу, еду всегда брали с собой, там ели и отдыхали. Иногда пограничники проходили, внимательно присматривались к нашим вещам и нам. Некоторые, проходя, предупреждали, чтобы далеко не заплывали, а то просто проходили, всматривались в лица.

Уже точно не помню, то ли на пятый, то ли на шестой день, в воскресенье утром, отец сказал: «Сегодня переходим, слушайте внимательно! Приходим к реке, и вы все должны незаметно следить за моими действиями. Купаемся примерно часа полтора, и как только после первого купания я выйду из воды, подниму руки, будто загораю, а потом лягу, вы подойдёте, ляжете неподалёку. Это будет означать – все готовы. После этого через полчаса я поднимусь, стану спиной к реке, вы все потихоньку входите в воду. Купаясь, отплывите от берега на такое расстояние, чтобы пограничники ничего

не заподозрили, ныряйте только так, для вида и смотрите, берегите силы, чтобы хватило переплыть на ту сторону! Когда увижу, что все в реке, тогда я и мать войдём в реку на то же расстояние, что и вы, дважды окунёмся, после чего я голову покрою белым платочком с завязанными в узелки углами – вот это и будет сигналом для рывка в сторону Персии! Понятно? И последнее: мать всем приготовила по два комплекта тоненькой одежды, надеть на себя и сандалии. Это для того, чтобы на той стороне снять одно и высушить, а потом второе; конечно, плыть будет тяжело, но, как вы видели, река неширокая, глубокого места всего метров тридцать, а далее мелководье до самой суши. Пойдём, как всегда, в одно и то же время, сегодня выходной, народу будет много, смотрите внимательно – в оба глаза!»

В тот проклятый день, в полдень, солнце стояло в зените и до такой степени сильно палило, что после часового загара уже чувствовалось жжение плеч, спины, и, как назло, был полнейший штиль; листья на деревьях будто замерли, слегка свернувшись, а некоторые даже чуточку увяли. Силу жары я почувствовала ещё так: нечаянно подула на руку и почувствовала, насколько горячо моё дыхание и как сильно обжигает руку. Воду, которой обычно нам хватало на весь период отдыха на пляже, выпили буквально за час, а загорали, как всегда, на одном и том же месте – обособленно от общего контингента, несколько раз входили в воду и выходили.

Наконец мы увидели стоящую фигуру отца. Тогда мы –

дети – вошли в воду, чуточку побарахтались недалеко от берега; когда увидели, как родители вошли в воду, несколько раз окунулись, и тут отец покрыл голову белым платочком. После этого отец с матерью нырнули вперёд, в чужую сторону, мы за ними нырнули, а когда вынырнули, то со всех сил поплыли на противоположный берег, в Персию.

Часть II

Ялта, или Пролог

– После смерти матери мы остались с отцом, но ему некогда было нами заниматься.

Служа управляющим государственным банком Ялты, он рано уходил в банк, а в течение дня один раз в обед приходил и справлялся у горничной и кухарки, на попечение которых он нас оставлял, как мы себя ведём и слушаемся ли их, как учимся, нужно ли чего.

В то утро я проснулся, как всегда умылся и пошёл в столовую, только стол был пуст. Пройдя в кухню, там тоже не обнаружил кухарку. Печка не топилась, и было как-то безлюдно и жутко: такого, сколько сам себя помню, ни разу не наблюдалось. Тогда отправился во флигель, где жила кухарка. На стук она не ответила. После нажатия на дверь пальцем она открылась. Войдя в комнату, увидел Анну Герасимовну, лежащую в постели в бесчувственном состоянии. Я послал за врачом садовника. Пришедший врач установил, что она простыла, после чего выписал рецепт и попросил поить её каждые четыре часа. Между тем дело близилось к обеду, и я решил: бог с ним, с завтраком, надо что-то приготовить на обед.

Спустился в погреб, вход в который шёл прямо с кухни, отрезал от лежавшего на льду мяса кусок, набрал картофеля, луку и вернулся на кухню. Налил в кастрюлю воды, забросил мясо, очищенный и порезанный картофель, замесил тесто, нарвал галушек и накидал туда, обжарил лук с салом и тоже забросил в кастрюлю и поставил её на огонь. Так впервые я варил своё первое в жизни блюдо – галушки.

Всё это кипело очень долго. Наконец пришёл отец, и я с чувством собственного достоинства, отступив от рамок приличия, поставил кастрюлю на стол; стол я сервировал, пока варился суп. Пригласил всех обедать, взял тарелку, опустил черпак в кастрюлю, да только зачерпнуть в черпак ничего не смог, кроме бульона, и в то же время не могу понять, в чём дело. Увидев удивление на моём лице, отец подошёл, тоже взял черпак и попробовал что-либо зачерпнуть, но, кроме бульона, в черпак тоже ничего не набрал. Тогда он заглянул в кастрюлю и попробовал черпаком постучать по дну.

Он сразу понял, в чём дело, но на всякий случай спросил у меня, как же я варил. Я, соответственно, рассказал, как готовил; он молча поднял кастрюлю, сказав мне: «Следуй за мной!» – остальным наказал ждать.

Надо отдать должное: отец был прекрасным юмористом. На кухне отец кое-как вытащил этот слипшийся ком мяса, картофеля и галушек, положил на блюдо и, вооружившись большим ножом, сказал мне: «Делай то же, что буду делать я».

Так мы начали кусок резать на ленточки, а потом на кубики и все эти нарезанные кубики забросили в кастрюлю. На всё это у нас ушло минут двадцать, после чего отец впереди, а я за ним гордо вошли в столовую и начали разливать варево по тарелкам. Одно надо сказать: довольно-таки вкусные галушки получились, а бульон вообще – цимс! Съели всё, что было налито в тарелки, а кое-кто попросил ещё и добавки, которая тут же была проглочена утробой.

Когда все насытились на сей раз очень скромным – только одним первым – блюдом и салатом, а перед тем, как подняться из-за стола, Татьяна и Зоя, перебивая друг друга, пытались выразить непонятно чего и наконец одна из них умолкла, отец направил палец на одну из них, которая сказала: «Пусть Иосиф у нас будет за повара, а?» – и сказал в свою очередь: «Вы давайте занимайтесь тем, чем занимались ежедневно, а я найду выход из положения». – «Папа, скажи, чтобы Иосиф не уезжал от нас, нам без него будет скучно», – теперь сказала вторая сестра.

Отец, строго глянув на меня, что-то хотел сказать, но прибежавший банковский клерк скороговоркой оповестил: «Там к вам приехала какая-то знатная особа, вся такая – прямо такая-с! Изволят вас увидеть-с!» – «Сынок, с тобой вечером поговорим, после ужина, ладно?» – сказал отец, после чего повернулся и ушёл в банк.

Одесса

Семья наша была очень большой, насчитывала одиннадцать дочерей и двух сыновей. В девятьсот восемнадцатом году нас у отца оставалось человек шесть; некоторые сёстры вышли замуж, старшая – математик – уехала в Польшу; некоторые, учась в других городах, там и остались; в тот год и я ушёл из дома счастья искать. В свои ещё не исполнившиеся шестнадцать лет я был ростом метр семьдесят два и крепкого телосложения: одной рукой на турнике подтягивался от трёх до пяти раз.

В январе девятьсот восемнадцатого года вспыхнуло восстание против Рады, а в конце была установлена советская власть в Одессе. На съезде представителей тройки Румчерода была провозглашена Одесская Советская Республика.

Так вот я поехал не просто в Одессу, а в ОСР, к хорошему знакомому моего отца – Ильченко Ефиму Семёновичу, который жил и работал в портовом гараже заведующим. Вот он и взял меня на работу слесарем. В гараже делал всё, но в свободное время учился водить машину, тогда это было престижно. А чуть позже, в марте того же года, Одессу оккупировали австро-германские войска, имевшие численное и техническое превосходство над советскими войсками на Украине, которыми командовал В. А. Антонов-Овсеенко. Как только в город входили оккупанты, Центральная ра-

да моментально – будто из-под земли – высовывала голову и всячески способствовала оккупантам, которые ловко пользовались её властью в своих политических целях. В конце апреля бывшего царского генерала Скоропадского провозгласили гетманом Украины, который начал зверствовать и устанавливать свои порядки.

Летом текущего года газеты писали, что в Москве состоялся первый съезд КП(б) Украины, который решил присоединиться к КП(б) России, после чего повсюду на Украине большевики возглавили освободительное движение. Примерно в октябре австро-венгерские войска начали ретироваться, а с некоторых мест патриоты и подпольщики их изгоняли, так как и у них в стране произошёл переворот.

В ноябре и в Германии произошла революция. Воспользовавшись ситуацией, советская власть аннулировала Брестский договор и стала изгонять с территории Украины немцев и их прихвостней. Заканчивался восемнадцатый год тем, что к власти пришла буржуазно-националистическая Директория украинская, которую возглавили Винниченко и Степан Петлюра.

Омрачило уходящий год то, что Антанта начала интервенцию на юге Украины, и вскорости все крупные порты и города были под их эгидой. Со сменой каждой власти усиливались грабежи, разбои и убийства, в общем наступало блаженство для анархистов и всякой шушеры. Частая смена властей происходила настолько стремительно, что порой утром

народ просыпался и не знал, при какой власти живёт, а при встрече со знакомыми люди не знали, кого ругать, кого хвалить и вообще стоит ли что-то говорить по тому или иному поводу о строе и политике.

Девятьсот девятнадцатый год ознаменовался тем, что буквально с первых чисел января городское подполье КП(б) Украины и её Иностранная коллегия усиленно вели подрывную работу в войсках Антанты, и вскорости эта работа принесла свои плоды. Буквально в апреле на кораблях интервентов начались восстания, и руководству Антанты ничего не оставалось делать, как поднимать якоря и отправляться во свояси. Именно в это же время, то есть в январе, начали изгонять петлюровские войска из крупных городов Центральной Украины и как только освободили Киев, так газеты начали писать о предстоящем Всеукраинском съезде Советов, где должны были принять первую Конституцию Украины.

В марте состоялся III Всеукраинский съезд, где приняли Конституцию и объявили Украину Советской Социалистической Республикой, а также – об избрании ЦИК во главе с Г. И. Петровским. Вскоре после съезда теперь уже советские войска освободили все крупные города и порты черноморского побережья. Только вроде свободно вздохнули, как объявился белогвардейский генерал А. И. Деникин, которого после гибели генерала Корнилова Антанта провозгласила главнокомандующим Юга Украины и Кавказа. Решив показать свою значимость и доблесть, А. И. Деникин подавил со-

ветскую власть на Северном Кавказе, ворвался на Юг России и, сломив сопротивление Красной армии на Южном фронте, занял Украину, часть Донбасса; с его приходом начались по-вальные аресты, расстрелы, порки и восстановление старых порядков. Стали возвращать хозяевам имущество, предприятия, земли и прочее.

Бандиты вообще распоясались, даже днём грабили; были случаи, когда кто-то сильно сопротивлялся, его тут же убивали. Власти в городе вообще не существовало, ходили какие-то банды, бряцая оружием. Практически Одесса весь год была под гнётом армии Деникина, он не зря свирепствовал. От Антанты он получал оружие и материальную помощь и укреплял войска, состоявшие из трёх армий: Добровольческой генерала Май-Маевского, Кавказской генерала Врангеля и Донской генерала Сидорина. Вот с этими армиями он захватил Екатеринодар – нынешний Краснодар, Царицын – Волгоград, Воронеж, Орёл и взял курс на Москву. Только на этот раз его постигли неудача и поражение в указанных выше городах. Под Воронежем и Орлом Деникин понёс большие потери.

Таким образом, Рабоче-крестьянская Красная армия начала громить и гнать войско Деникина, освобождая города, посёлки и деревни. В этот период по всей Украине начали создаваться партизанские отряды, которые боролись как с войсками Деникина, так и с бандами. Весенне-летняя кампания советских войск массированными ударами оттеснила Дени-

кина в Крым, а в апреле, а может в мае, Деникин, передав дела Врангелю, сам бежал в Турцию на английском эсминце. В феврале двадцатого года была освобождена Одесса.

– Иосиф Степанович, вы всё говорите о Юге Украины и больше об Одессе и ничего не говорите о центральной и западной частях страны.

– Уважаемый Александр Васильевич, я говорю о той части страны, где я жил и работал, то есть где был свидетелем в исторической эпохе той части Украины. Могу рассказать о том, что читал в газетах той поры, но только не в такой подробности, да и времени уйдёт на это раза в четыре больше. Вот поэтому я сего не касаюсь, и вообще, есть история страны, где можно освежить память, если есть желание.

– Да, я с вами согласен полностью, – сказал Александр Васильевич. – Прошу вас, продолжайте.

– Конечно, согласно информации из газетных данных, могу рассказать, как Польша, объявив войну России, летом вошла в Киев. Могу подробно повторить, но, думаю, повторять одно и то же – это вовсе не интересно, тем самым потеряется всякий интерес к воспоминаниям.

Я одного не мог понять: так часто менялась власть, а мы работали как всегда, какие мы только грузы не принимали и чего мы только не отправляли. – Этими словами он хотел закончить свой рассказ, а потом будто что-то вспомнил и продолжил: – Таким образом я два года проработал в порту – последний год уже водителем.

– Иосиф Степанович, всё, что вы говорили об Одессе, весьма интересно. Проживая и общаясь с жителями города Одессы, вы, наверное, слышали про Мишку Япончика и его криминальную деятельность? Действительно ли он был такой бандит и вор или это ложь либо восхваление, тогда во имя чего?..

– Кем он был и почему о нём так много писали, а одеситы рассказывали о нём взхлёб небывалые легенды, поднимая глаза к небу, словно говорили о святом? Вот этого я тоже до сих пор не могу понять: почему? Почему на юридическом факультете нам ничего не рассказывали об этом человеке? Только один из преподавателей по криминалистике, когда ему задали вопрос о Япончике, ответил: «Это просто бандит и отщепенец социалистического общества».

– Я вас прошу, расскажите то, что вы слышали о нём, а может, даже и видели его.

– Может, о Мишке рассказать чуточку позже? А вообще-то и правда лучше сейчас, поскольку было с ним одно совпадение именно в день, когда я впервые ступил на ту землю.

– Да-да, тем более что говорите о каком-то совпадении!

– Хорошо, Александр Васильевич. Я не стал рассказывать, думал, что вам это будет неинтересно. Только хочу вас предостеречь: то, что буду рассказывать, не воспринимать за чистую монету, так как больше половины из рассказа будет вам передано со слов из чужих уст, а вот насколько они до-

стоверны, не могу гарантировать. Но зато они хорошо сложены и хорошо вписываются во взрослые годы жизни Мишки, которого именовали королём Одессы, где он и проживал.

Тогда слушайте. В Одесскую Советскую Республику с полумиллионным населением (а именно столько жителей тогда в ней проживало) я прибыл в самом начале 1918 года.

– Какая Одесская Советская Республика? Вы, Иосиф Степанович, уже второй раз говорите, а я о такой республике не слышал. – От такой новости Александр Васильевич снял очки и стал нервно протирать их, а немного погодя спросил: – Иосиф Степанович, вы ничего не путаете?

А сам задумался: «Почему я нигде и никогда не слышал о такой республике: как юрист, я должен знать историю нашей страны; может, я когда-то пропустил это на уроке или болел в этот момент?» Так для него и остался этот вопрос загадкой...

Видя, какой эффект произвело известие на его слушателя, рассказчик продолжил:

– Вы не думайте – это не выдумка, это исторический факт, и от этого никуда не деться. Дело в том, что эта республика просуществовала ровно полтора месяца.

– Тогда почему так быстро кончилась её историческая эпоха? – Надо сказать, Александр Васильевич любил употреблять редкие и изящные слова.

– Наступление австро-венгерских и германских войск, которые с боем выдавили советскую власть. Вот такая преамбула об этом необыкновенном городе, в котором я оказался

не случайно.

Но самое интересное совпадение было в том, что день моего приезда в Одессу, а это был последний зимний месяц восемнадцатого года, совпал с днём свадьбы Мишки Япончика и Циля. Продвигаясь пешком по улицам в направлении порта, я обратил внимание на количество патрулирующих дружин и конармейцев в городе.

Вначале я предположил, что кто-то с боем вступает в город, а молодое рабоче-крестьянское правительство – Одесская Советская Республика, – боясь внутреннего взрыва шпаны и мародёров, которые могут оказать содействие наступающим белогвардейцам, поэтому и выгнало из казарм всех, кого только можно было. Позже говорили, что в тот день все фаэтоны в городе были зафрахтованы ещё накануне свадьбы на целый день, и по центральным улицам Одессы галопом мотались их целые вереницы, перегруженные пьяными людьми. А те, кому не досталось фаэтонов, разъезжали на телегах, и все без исключения, играя на разных музыкальных инструментах, горланили воровские песни, кто какие знал, но больше всего с упоением пели еврейские, выражая тем самым признание королю Одессы.

Не знаю, насколько правда, только бабы ещё долго судачили, да и мужики тоже, что Циля – первая красавица Одессы и что Мишка в неё с первого взгляда влюбился. А как они познакомились?

Это я вам рассказываю со слов одного чиновника, рабо-

тавшего в порту, – это было многим позже, – который взахлёб описывал знакомство и свадьбу, да с такими подробностями, которые мог знать только человек очень близкий – родственник либо друг и участник события. Циля – среднего роста, очень стройная, со слегка выступающими бёдрами, брюнетка с локонами, рассыпающимися до поясницы; ножки точёные, походка стройная, но для придания кокетства иногда виляла бёдрами, словно гусыня. Лицо вытянутое, смуглое, крупные выкатывающиеся глаза, чёрные как смоль, словно магнитом моментально притягивали к себе внимание мужчин. И горько сожалел тот, кто приближался к ней и вступал в диалог, любуясь её красотой: окончательно терял не только голову, но и кое-что ценное из своих карманов.

А она, строя глазки, мило улыбаясь, показывая кремовые крупные зубы и слегка покачивая бюстом, в то же время красиво жестикулируя руками, ускоряла манипуляцию рук до такой степени, что собеседник не замечал, как они извлекают из карманов всё ценное, что можно было вытащить. Она это действие называла: «Экспроприрую ненужные предметы хозяина».

Необходимо отметить один немаловажный факт. По рассказам одних, Циля была из богатой купеческой семьи и якобы когда-то Мишка ограбил их дом. По второй версии, Циля так же, как и в первой, была еврейка, только происходила из такой же среды, что и Мишка Япончик, и, более того, слы-

ла специалистом по очистке карманов и дамских ридикюлей, чему научилась в Молдаванке.

Первая встреча Мишки с будущей женой произошла на улице Госпитальной, куда он приехал забрать дань трёх районов: Слободки у Муха, Пересыпь – Сало, Фонтанки – Коса; это клочки. Как-то, прознав о приезде Мишки, Циле донесли поклонники, что король Одессы всегда носит с собой большие деньги, а сегодня у него день сборов, и он вначале побывает в одном из районов, но в каком – этого они не знали, а это значило, что он не пустой приедет. И сюда едет тоже за сбором дани, так как приехали смотрящие трёх районов и ожидают его. Вот тогда она решила почистить его карманы, всё продумала хорошенько, подготовилась, узнала, когда и куда он подъедет, и в тот момент, когда его машина, подъезжая к названному дому, стала притормаживать, Циля выскочила из проулка, ударилась о дверцу его автомобиля и тут же рухнула на землю. Выскочивший из авто Мишка слегка испугался, но моментально поднял её на руки и понёс к дому, к которому подъехал. Циля, делая вид, что ей плохо и неудобно пребывать на руках у незнакомого мужчины, слегка выворачиваясь, подобралась к заветному карману, а вытащив пакет с деньгами, прыгнула с рук Мишки и, благодарно взглянув в глаза, заикаясь, словно всё ещё находясь в шоке, тихо произнесла:

– Извините, я пойду.

– Ты кто, такая красавица, почему я тебя не знаю? – спро-

сил Мишка и, немного подумав, сказал: – Давай вечером сходим в синематограф.

– Я согласна, – ответила Циля, – давай на восемнадцать, а потом в ресторан!

– Однако ты смелая, как я погляжу, а я напористый и до страсти люблю красивых женщин, а девушек ещё больше. Ну, до вечера, ненаглядная моя. – Махнув рукой, Мишка вошёл в дом.

Беседуя с подчинёнными, он невзначай коснулся кармана, а там – «вошь на аркане». Только теперь он догадался, как ловко обвела его незнакомка. Говорить своим собратьям по ремеслу означало опозориться на всю Одессу. А главное, как бы получается – «вор у вора дубинку украл». Мишка понял, что эта красивая мерзавка выдернула у него пятнадцать тысяч рублей воровских общественных денег.

Вечером, встретившись у кинотеатра, Циля назвалась и вела себя как ни в чём не бывало; Мишке было как бы не по себе в связи с тем, что эта мошенница не чувствовала угрызений совести и вела себя весело и свободно, порой даже развязно. Из кинотеатра «Корсо» они пошли в ресторан «Монте-Карло».

Циля, спокойно беседуя с Мишкой, намеренно нежно коснулась его локтя и, не почувствовав сопротивления, не долго думая взяла его под руку; так они и вошли в намеченное заведение, перед которым склонившийся швейцар в ливрее держал раскрытую дверь. Едва они переступили порог ресто-

рана, как к ним навстречу быстрой грациозной походкой вышел метрдотель в чёрном элегантном костюме, весь внимание, покорность и обаяние. Расшаркавшись перед хозяином, метрдотель чуть склонил голову, показывая рукой в сторону коридора, где был небольшой банкетный зал для хозяина и изысканных гостей, и только с разрешения хозяина ресторана произнёс:

– Прошу вас! Всё готово, как вы приказали, а по поводу горячего – как только изволите, как всегда щёлкните пальцами – так с глубочайшим почтением и будет доставлено.

– Хорошо, пойдём! После того как нас усадишь, ты свободен, только предупреди официанта, что мы здесь.

– Будьте спокойны, Моцес Вольфович! – Мишку в его ресторане иначе и не называли, как-никак он владелец. – Все предупреждены, вас, как всегда, будет обслуживать гарсон Зельма, он уже на своём месте.

После того как Циля и Моцес уселись, метрдотель удалился в зал, где в это время кое-кто уже начинал бушевать от обилия выпитого спиртного.

Подошедший гарсон Зельма, поздоровавшись с поклоном, разлил шампанское и, сверкая белками глаз в ожидании распоряжения, увидел отмашку хозяина. Он тут же удалился за ширму в ожидании нового вызова.

– Циля, разреши этот первый бокал шампанского выпить за тебя, – понизив голос, произнёс Мишка, – за твои золотые ручки. Конечно, ты работала великолепно, как Сонька

Золотая Ручка, но у тебя не те масштабы и не та специализация; ты по сравнению с ней – мелкая сошка, а в целом – молодец, красиво. Пьём за тебя и твою красоту, которой тебя одарила природа.

А сам подумал: «Если бы не мои деньги, на которые она польстилась. Сама не представляет, что вляпалась в цепкие руки будущего мужа, а точнее – ввалилась как сом в вершу. И помолвку совершим сегодня, во что бы мне это ни встало!»

Затем Циля, несколько не смущаясь намёком Мойши (так он её попросил называть его впредь) на то, что она вытащила пакет с деньгами, – это она пропустила мимо ушей, – подняв бокал, с жеманной улыбкой и несколько не заискивая перед знаменитостью Одессы, начала говорить:

– Я буду тебя называть Моисей. Много о тебе наслышана и не раз видела тебя издали, но никогда не думала о знакомстве с тобой. Ты пригласил меня к себе в ресторан; честно говоря, я первый раз в ресторане, а может быть, и последний.

– А насчёт того, что последний раз в ресторане, – я тебе этого не позволю! С сегодняшнего дня мы с тобой можем каждый день приходить сюда ужинать, конечно, если ты этого пожелаешь.

– Нет, Моисей, я не буду здесь каждый день ужинать с тобой.

– Это почему? – спросил Мишка.

– Да потому, что я не смогу оплачивать такие дорогие

блюда, – произнеся последние слова, Циля полезла в риди-кюль, вытащила конверт с деньгами и положила на стол перед Мишкой. – Вот за сегодняшний банкет, и спасибо тебе за составленную компанию и проведённый этот декабрьский вечер.

После этого инцидента оба долго молча ели и пили, периодически поглядывая друг на друга. Циля изредка из-под лба поглядывала на партнёра, улыбалась, покручивая бю-стом и изредка наклоняя то вправо, то влево, тем самым пытаясь привлечь его на тур танца. Такого наглого поступка Мишка не ожидал и поэтому не мог придумать, как ему быть, и, чтобы не обидеть партнёршу, в силу необходимости сидел, отвечая ей той же монетой; правда, ел лениво и без аппетита, иногда казалось, что ест что-то отвратительное, а поглядывая на Цилю, обдумывал, как поступить с ней и деньгами: «Взять – значит унизиться перед ней; смотри какая: плутовка придумала, как красиво обворовать меня, а потом не менее красиво вернуть мне деньги».

То, что она не возьмёт деньги, он знал как дважды два.

«Если прогнать её либо самому уйти, ну, тогда потеряю её навсегда», – ещё кучи мыслей приходили в голову, только ни одна не годилась для данного момента.

После ненадолго затянувшейся паузы и поедания десерта Мишка как бы невзначай спросил:

– Циля, я не хочу знать, сколько тебе лет, я только хочу знать: ты замуж собираешься, и если да, то когда?

– Замуж я, конечно, собираюсь, только жениха ещё себе не выбрала.

– Ну, тогда это дело поправимое. – После сказанного Моисей взял у Циля ридикюль и вложил туда конверт с деньгами, одновременно произнося: – Это тебе на свадебное платье и прочие атрибуты. Свадьба наша через два месяца состоится здесь, в ресторане!

С окончанием фразы он посмотрел на свою невесту, которая от неожиданности вся зарделась румянцем, словно мак полевой, и, как представилось Мишке, от корней волос до пят.

Циля от неожиданности закрыла лицо руками и не могла произнести ни слова, какой-то ком к горлу подкатил, не давая вымолвить ни слова. Она, потрясённая действием Мишки, некоторое время пребывала в состоянии прострации, а немного спустя включила действие мыслей для выхода из этого состояния; вдруг вздрогнула и начала перебирать варианты выхода из состоявшегося фиаско, мысль пришла быстро.

«Вложив деньги мне в ридикюль, получается, что он меня купил, как проститутку. Таким образом, я в его глазах превращаюсь в его рабыню, с которой он будет делать всё что угодно. Вернуть деньги и отказаться от предложения стать его женой – значит потерять девичью надежду о создании семьи, которая так необходима. Кроме того, наблюдая за ним издали, оказывается, сама того не понимая, я влюби-

лась в него. И теперь я себя не представляю без его внимания ко мне. Даже сегодняшний вечер, который он проводит со мной, – сколько в нём шарма, видимо, я ему тоже глянулась; кроме того, где я ещё найду более достойного и более авторитетного человека в Одессе! А посему надо немного посопротивляться его действиям. Только так, чтобы это выглядело правдоподобно, и при несогласии поставить вопрос о немедленном прощении моей руки у родителей!.. Нет, я не смогу сопротивляться его красоте – он красив, как Аполлон!» – промелькнула у неё мысль.

Придя к такому решению, Циля оторвала руки от лица и, глядя на Моисея и одновременно просовывая руку в ридикюль, чтобы достать деньги, сказала:

– Деньги, которые ты положил мне в ридикюль, я не могу принять, а на платье я сама заработаю после того, как дам согласие на брак.

Но Мишка предотвратил её действия, взяв за руку, опущенную в ридикюль, и с умоляющим взглядом сказал:

– Я тебя прошу: не надо этого делать, делай так, как я говорю, и прошу тебя стать моей женой.

Циля ещё долго сопротивлялась и наконец, хитро опустив глаза, сказала:

– Моисей, это так неожиданно, а потому это быстро не делается, необходимо в присутствии родителей у раввина получить согласие на бракосочетание и что-то золотое мне подарить, но не обручальные кольца – их потом, в день сва-

ддыбы. А до того времени я у тебя не возьму ни копейки.

Этими словами она ещё больше задела его самолюбие и раззадорила. Тогда он сказал:

– Хорошо, если ты так хочешь, то я это сделаю сегодня.

По двойному щелчку пальцами вошли гарсон Зельма и водитель. Моисей отошёл с ними в сторонку, что-то им сказал, и оба скрылись за кулисы. Через несколько минут гарсон принёс небольшой самовар с заварным чайником и посудой, а вдобавок – тарелку с кучей разнообразных пирожных.

– Моисей, зачем так много, мы что – до утра собираемся здесь кутить? Да и поздно уже, старики будут беспокоиться, – сказала Циля.

– Можем и до утра, если, конечно, ты пожелаешь, – ответил Мишка.

Глянув на часы, которые показывали двадцать один двенадцать, он подумал: «В лучшем случае Исаак привезёт всё и всех примерно через час» и принялся употреблять изысканные пирожные, до которых имел большое пристрастие, причём ежедневно их поедал в самых изысканных кафе.

С истечением чуть больше часа гарсон, спросив разрешения войти, доложил о прибытии раввина и отца с матерью Циля.

– Пускай войдёт водитель Исаак, всё, – сказал хозяин ресторана.

Услышав шаги в зале, Мишка поднялся и пошёл навстречу водителю, который ему что-то передал и, получив

задание, пошёл исполнять его, а через мгновение послышался топот грубых башмаков, и в зал вошёл раввин с вопросом:

– Мойша, что за спешка, неужели нельзя было подождать до утра?

– Извини, уважаемый наставник, что потревожил тебя и столь почтенных родителей, которые прибыли с тобой, но, когда ты узнаешь, уверен – не пожалеешь и сделаешь это с большим удовольствием, кроме того, ещё и похвалишь меня за правильное решение, которое я принял час назад. Сегодня в стране творится такое, что для нас, простых смертных, каждая минута дорога, а раз так – тогда надо торопиться жить, и жить хорошо, счастливо и богато! Вот из этих соображений я и тороплюсь взять от жизни то, что ещё не брал.

Цили сидела за столом и не видела, с кем Мишка разговаривает у неё за спиной, мало ли кого он мог назвать наставником; она была оторвана от действительности и прокручивала в голове события этого дня и вечера.

А тем временем Зельма и метрдотель сдвинули два стола вместе позади Цили, и гарсон начал в темпе его сервировать приборами, посудой и холодной закуской. Мишка же, после раввина подойдя к родителям Цили, почтено поздоровался, извинился за то, что нарушил их пожилой уклад жизни, и тихо сказал:

– Думаю, вы не пожалеете, что пришли сюда в столь поздний для вас час.

После чего подвёл к столу, усадил и почти на цыпочках

направился к своей Циле; подойдя, коснулся рукой её плеча, отчего она вздрогнула и подняла голову, вопросительно посмотрела на Моисея.

– Пойдём, познакомь меня со своими родителями, и пусть они решат нашу судьбу своим благословением, – произнёс владелец ресторана.

– Так уже поздно, они в это время спят и вряд ли что-то смогут соображать, – ответила Циля.

– Вставай и посмотри, кто у тебя за спиной.

Как только она приподнялась, Мишка аккуратным прикосновением своих рук к её плечам повернул её в сторону столика, за которым сидели ранее названные почтенные люди. Увидев мать и отца сидящими за одним столом с раввином, Циля подумала: «Мишка специально всё предыдущее говорил, чтобы усыпить мою бдительность, а сам в это время готовил коварный удар, дабы опозорить меня в лице родителей и раввина».

Только она ошиблась, её ждала не меньшая неожиданность; растерявшись окончательно, она шла, подталкиваемая Мишкой, а потрясло её, во-первых, присутствие сидевших за столом людей, во-вторых, сказанные следующие слова Мишки:

– Уважаемые родители! Я в вашем присутствии и не менее уважаемого раввина прошу вас дать согласие на нашу свадьбу, которая состоится через два месяца в этом ресторане!

Услышав эти слова, раввин и родители встали, захлопали

в ладоши, и через несколько секунд наступила гробовая тишина. Все ждали ответа раввина.

Наконец он подошёл к молодым с вопросом:

– Прежде всего я должен спросить; позиция жениха мне известна – невеста согласна или нет?

Долго и молча стоявшая в растерянности невеста вновь залилась румянцем. Опустив голову, едва держалась на ногах и только после повторно заданного вопроса, когда Мишка ей слегка прижал руку, Циля подняла голову; лицо её выражало смущение – благо, что было упрятано за чёрными крупными локонами, но блеск счастливых глаз просматривался через кисею волос. Чуть тряхнула головой, отчего локоны отлетели почти до ушей и выглянуло красивое девичье лицо с налитыми слезами радости чёрными глазами и вымученной, но счастливой улыбкой, которая едва приоткрыла губы, и все услышали:

– Да, я согласна стать женою Моисея.

Вновь тройка заплодировала, а раввин, как и положено по статусу, взял на себя миссию по описанию обряда, который необходимо выполнить по завету; подняв руку, он стал говорить:

– Чтобы нам дальше говорить о традициях, ты знаешь, Мойша, что ты должен сейчас сделать своей невесте?

– Да, уважаемый наставник, я должен ей прямо сейчас подарить дорогую вещь. Вот кольцо, серьги и брошь, всё с рубином. Думаю, Циля понравится мой подарок и вкус. – И,

сделав пол-оборота всем телом вправо, взял с поднесённого лакеем подноса названные украшения и протянул невесте.

Последняя их покорно приняла и ласково глянула на своего наречённого, который остался доволен взглядом, пронзившим глубину сердца, которое забилося так, как никогда в жизни. Михаил был безмерно счастлив в этот вечер, но бурно выражать радость было ещё рано, поскольку говорил раввин:

– В ближайшее время необходимо составить ктубу¹ у меня в синагоге. Затем заплатить родителям выкуп, а синагога жениху устроит уфрут². Только скажи, сколько будет гостей, на какое число назначать, да смотри, чтобы не попало на выходные дни и праздники. А ты, Циля, должна пройти микву³. Только после этого вы получите благословение Моисея и Израиля. Платья, кольца и прочие атрибуты вам родители подскажут. И смотрите, чтобы до свадьбы прелюбодеянием не занимались, – это большой грех. Ну а теперь давайте отметим удачную помолвку, которая только что состоялась. Но прежде, дети, подойдите к родителям, пусть они вас поздравят. Ты, Мойша, в начале вечера правильно сказал, что буду тебя хвалить, как узнаю о твоём решении, – да, ты молодец, правильно поступил, это Богу угодное дело, а нам, евреям,

---

¹ Брачный контракт.

² Мальчишник.

³ Очистить себя духовно, погрузившись в чистую воду, читая специальную молитву.

особенно, если мы хотим править миром; это я так думаю.

Закончив свою тираду, раввин сел, и все приступили к кошёрным блюдам, ожидавшим их под колпаками.

Пировали чуть больше часа и разъехались по домам ближе к двадцати четырёх часам.

После того вечера Мишка с Цилей встречались почти каждый день и ходили в кино и на театральные постановки. Надо отдать должное: Мишка Япончик был большим поклонником искусства, а может, даже и меценатом; он знал всех местных артистов и знаменитостей столиц и почти со всеми вёл себя фамильярно, или, как говорят, на короткой ноге.

Ещё рассказывали, как он знакомился с новыми артистами, приезжавшими на гастроли. В день дачи концерта либо премьеры Мишка посылал своих людей. Они воровали их концертные наряды и реквизиты; конечно, артистов охватывала паника: что делать? И когда пострадавшие приходили в смятении к директору театра со своим горем, тот тоже хватался за голову и вместе с ними горевал, а потом как бы между делом говорил: «Давайте обратимся к Мишке Япончику. Пошлём ему пять билетов с запиской о постигшем нас горе, в которой напишем, что у приехавших на гастроли артистов украли костюмы, реквизиты и мы надеемся на вас, нашего большего поклонника Мельпомены, который может помочь в этом безнадёжном для нас деле. Молимся за вас и возлагаем большие надежды на возвращение похищенного, за что

заранее благодарим вас и будем счастливы видеть вас на нашем представлении. С уважением – труппа приезжих артистов и директор театра...»

И тут же отправляли нарочных с цидулькой. Мишка, получая подобные письменные просьбы, тут же давал команду своим воришкам вернуть всё до пёрышка. А сам вечером, за час до означенного времени, приезжал в театр, заходил в уборную, знакомясь, лукаво извинялся за недоразумение и неуважение к искусству своих тёмных варваров. И тут же приглашал на небольшую пьянку в узком кругу театралов. Точно так же Мишка впервые познакомился с Фёдором Шалапиным и другими знаменитостями и лицедеями.

После вечера помолвки ровно через два месяца, как и говорил Мишка, начали справлять свадьбу, которая охватила, можно сказать, всю Одессу, и это был как раз тот день, когда весь город гудел о свадьбе короля Одессы в ресторане «Монте-Карло». Насколько это достоверно – неизвестно, только многие утверждали, будто это заведение – собственность Япончика, и в тот день на его свадьбе присутствовали главари, приближённые и гости, из которых несколько особ было из полиции, заместители губернатора, а все остальные: бандиты, воры-карманники, наркоторговцы, сутенёры, проститутки – массово отмечали по всей Одессе и в Молдаванке. Кое-где прямо на улице, а иные в кварталах ставили столы, и жители прилегающих домов пировали во здравие молодых и отплясывали «семь-сорок», которая в тот день зву-

чала почти в каждом доме и квартале, у кого был патефон или какой-нибудь паршивенький музыкальный инструмент. Очевидцы ещё рассказывали одну, на первый взгляд, необылицу, что накануне свадьбы ночные воришки обнесли все оранжереи спекулянтов и начинающих подпольных богате-ев, и когда подъехали жених и невеста, то цветами выстелили дорожку от автомобиля до дверей ресторана.

Не ломайте головы: Молдаванка – это самый большой район Одессы и самый криминальный. Центр города Одессы в то время был ещё отделён от окраин Старопортофранковским валом, рядом с которым находился район Молдаванка, где разрешалась беспошлинная торговля товаром. А товар, поступивший в порт Одессы и на который ещё не была наложена пошлина, перетаскивали в Молдаванку по катакомбам, которые тянулись от центра города до побережья.

– Иосиф Степанович, а почему его называли королём Одессы, за какие такие заслуги?

– Родился Мишка в семье биндюжника, и назвали его Мишка-Яков. А по документам он Моисей Вольфович Винницкий.

Когда он знакомился, везде называл себя по-разному: некоторых подчинённых просил его называть – Моцес, друзьям и приближённым – Мойша, государственным чинам – Моисей или Мишка Япончик.

В семь лет приняли его в торгово-политическую школу при управлении Южной железной дороги, которую окончил,

получив диплом электрика.

Четырнадцатилетним отроком он состоял в эсеровской молодежной организации «Молодая Воля», которая поручила Мишке-Яшке убить околоточного в Молдаванке. На суде в 1905 году Моисей Вольфович Винницкий сказал, что подставку для чистки обуви и бомбу изготовил сам и взорвал полицейского, когда тот подошёл почистить обувь. За убийство полицейского его присудили к повешению, но затем из-за того, что он был несовершеннолетний, казнь ему заменили двенадцатью годами каторги и отправили этапом в Сибирь. На каторге Мишка познакомился с Григорием Котовским и многими другими революционерами, но примкнул к политической партии эсеров, где его приняли как родного и стали готовить к большим революционным событиям, а он одновременно проходил практику у бандитов, изучал их науки воровства, обмана, ухищрения и суровые бандитские законы.

В семнадцатом году Временное правительство амнистирует его, и он возвращается в Одессу. Устраивается в городское управление электроконтролёром Одессы и всей губернии, знакомится со многими начальниками, которые в дальнейшем ему будут помогать, но не бесплатно. И в это самое время занимается изучением криминальной структуры и её сил в городе, но в основном – воровских, бандитских районов: кто их главари, кто является держателем общака.

Узнал, что на тот период в Одессе существует около деся-

ти разрозненных банд. Самыми большими считались в районах Молдаванка, Пересыпь, Фонтанка, Лонжерон. Самая крупная из всех была в районе Молдаванка, ею руководил шестидесятилетний еврей Фроим Грач.

Мишка поехал к нему и предложил стать его заместителем. Фроим отказал ему, но потом подумал, решил испытать его, дав задание ограбить одного торговца. Мишка долго не думая написал торговцу письмо, в котором просил, чтобы получатель этого письма на второй день после полудня положил пятьдесят тысяч рублей, завёрнутые в бумагу, в бочку с мусором по такому-то адресу.

«В противном случае на второй день, если не будут получены деньги, у вас будут большие неприятности», – писал Мишка в послании торговцу.

Торговец проигнорировал полученное письмо, а в указанный день кары Мишка приходит к хозяину в кабинет и спрашивает:

– Ты получил письмо, в котором ты должен был положить туда-то пятьдесят тысяч рублей?

Тот кивнул головой.

– А про угрозы тоже читал?

Торговец вновь кивнул головой.

– Так вот, я дважды не повторяю, а сразу после первого раза, в отличие от других, выполняю свои обещания.

– Угрозы? – спросил купец.

– Как хотите – так и понимайте, но сейчас я это уже делаю.

И пока Мишка разговаривал с хозяином, его банда вырезала всю его домашнюю скотину, в том числе и двух коней. Когда Мишка в окно показал злодеяние, совершённое его молодчиками, он добавил: «Если впредь не будешь выполнять мои просьбы, учти – будет ещё хуже!»

Деньги Михаил принёс Фроиму, и тот назначил его своим помощником и преемником. А когда Фроим умер – это произошло вскорости, – Мишка стал главарём этой банды.

Подумав ещё какое-то время, Мишка стал поступать так со всеми: богатеями, торговцами, фабрикантами, владельцами судов и прочими, кто был на виду, и теми, у кого водились деньги. Это был первый нелегальный – принудительный, бандитский – налог, который в настоящее время называется «рэкет», был введён Мишкой Япончиком. Узнав о таком вымогательстве, представители власти не предприняли ничего в защиту законопослушных налогоплательщиков, крупных предприятий и торговцев.

Мишка на этом не остановился, решил подмять остальные районы, забил им «стрелку» и довёл до них свою концепцию, что означало всем объединиться в одно целое под его эгидой. Согласилась только одна банда, две отказались, а через неделю туда были посланы полиция и войска для наведения порядка. Многих убили, в том числе и главарей, а Фонтанка и Лонжерон тут же примкнули к Мишке Япончику, после чего его стали называть королём Одессы и защитником несчастных и обездоленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.